

Отпуск Хань Цзин получил на удивление легко. Генерал Шерман лишь коротко спросил, знает ли об этом Морис, и сразу утвердил три дня отдыха.

Хань Цзин возвращался домой в прекрасном расположении духа — словно тучи наконец рассеялись, явив взору чистую луну. Напевая под нос весёлый мотивчик, он торопливо шагал к апартаментам.

Когда он вошёл в гостиную, Морис уже принял душ. Накинув тонкий шёлковый халат, генерал стоял на залитой ночной прохладой террасе. Его длинные золотистые волосы были ещё влажными.

Он разговаривал по телефону. Заметив Хань Цзина, Морис едва заметно улыбнулся одними уголками губ и вновь сосредоточился на словах собеседника, дававшего ему напутствия.

— Главное, что всё обошлось, главное, что ты цел...

Голос Гранта Нормана звучал привычно властно и ровно. Ничто в его интонациях не выдавало человека, страдающего от тяжёлой болезни глаз. И всё же в этой непривычной многословности угадывалось тщательно скрываемое волнение.

— Раз уж ты летишь в Эвиду, не спеши сразу ко мне. Со мной всё в порядке, такой пустяковый недуг — не повод для беспокойства.

Они редко разговаривали так спокойно, по-семейному. Но даже сейчас забота Гранта оставалась завуалированной, сквозь неё сквозил привычный тон авторитарного командира.

— Экспедиция миссии SG-I выдалась смертельно опасной, но для тебя это не просто боевое крещение. Это идеальный шанс для продвижения по службе. Не упusti его! Как только прибудешь завтра в Эвиду, не вздумай расслабляться. Подготовь подробный доклад для заседания, вывери каждую мелочь. Твои конкуренты не должны найти ни единой зацепки.

— Если всё пойдёт по плану, то через пару лет ты станешь самым молодым пятизвёздным генералом в истории! Только представь: два пятизвёздных генерала из рода Норманов на самой вершине федеральной власти. Какая великая честь для нашей семьи! Морис, я буду гордиться тобой.

Грант требовал от сына невозможного, в точности как в детстве, прикрывая отцовские амбиции суровым наставлением.

Прежде Морис непременно вспылil бы и резко возразил. Его всегда до глубины души возмущало то, как слепо отец преклонялся перед фамильной честью — цenia её выше, чем

жизнь собственной жены. Однако теперь он лишь покорно вздохнул и сдержанно ответил:

— Я понял. Я тебя не подведу.

В трубке раздался глубокий, преисполненный достоинства голос отца:

— Ты ещё никогда меня не разочаровывал. На военном поприще ты превзошёл даже меня в твои годы.

— Отец... — Морис на мгновение замолчал, поражённый этими словами.

Прошло столько лет, прежде чем он снова услышал от отца искреннее признание своих заслуг. В груди шевельнулось давно забытое тепло, а во взгляде отразилось глубокое волнение.

«А если отец узнает о моей беременности?..»

Морис нахмурился. Воображение тут же нарисовало неизбежный скандал, который выйдет из-под любого контроля.

Хань Цзин взял парадный генеральский китель и, бесшумно скользнув на террасу, аккуратно набросил его на плечи любимого.

— Начало марта всё-таки. Ночью у океана всегда сквозит, не ровен час простудишься.

— Шерман отпустил тебя? — Морис убрал коммуникатор, решив не распространяться о разговоре с отцом.

Он повернулся к Хань Цзину и мягко улыбнулся в ответ на его ласковый взгляд.

— Без малейших проблем. Дал целых три дня, — Хань Цзин счастливо рассмеялся и обнял Мориса за талию, но тут же осёкся: сквозь тонкий шёлк халата чувствовалось, что кожа генерала была необычайно горячей, почти лихорадочной.

Ладонь Хань Цзина замерла. Он скользнул взглядом по столику и заметил стакан с ледяной водой, стоявший прямо возле открытого ноутбука.

Помня о недавних болях внизу живота у Мориса, Хань Цзин действовал с предельной осторожностью. Он прильнул к нему сзади, бережно покрывая невесомыми поцелуями горячую шею, плечо, чувствительную мочку уха. Его пальцы скользнули под наброшенный китель, лаская нежную, шелковистую кожу.

Морис слегка напрягся. Тихонько вздохнув, он прикрыл глаза и позволил юноше продолжить. Сладкие, обжигающие волны желания мгновенно затопили всё его естество, требуя немедленного ответа. Но стоило ему потянуться навстречу ласке, как внизу живота вновь предательски шевельнулась тупая, тянущая боль. Морис переменился в лице. Разочарование и вспыхнувшее вождение боролись в нём, заставляя нервно сжимать пальцы.

— Не надо...

— Я боюсь за ребёнка... — Морис прикусил губу. В его хриловатом шёпоте, заменявшем робкий отказ, отчётливо слышалась мучительная страсть.

— Ты уверен, что справишься? — Хань Цзин замер, ощущая под пальцами испарину на разгорячённом теле.

— Я буду предельно осторожен, обещаю, — Хань Цзин нежно прижал его к себе, заметив, каких титанических усилий Морису стоит это самообладание. — Больше не потеряю контроль, как прошлой ночью.

Он прекрасно понимал все страхи своего генерала. Тот до последнего глушил в себе малейшие порывы страсти, боясь навредить крохотной жизни, которую они едва не потеряли.

Морис смущённо отвёл взгляд и тихо выдохнул:

— Но я... боюсь, что сам не смогу сдержаться...

Зов крови атлантов, дремавший в его теле, действовал подобно сильнейшему дурману. Стоило поддаться искушению один раз, и сопротивляться становилось невозможно. Даже теперь, вынашивая дитя, он испытывал почти болезненную, непреодолимую тягу к ласкам Хань Цзина.

Хань Цзин на мгновение лишился дара речи — он не ожидал услышать от сдержанного Мориса столь откровенное признание. Но в следующую секунду он собственнически притянул его к себе, не позволяя отстраниться, и принялся жадно оглаживать горячее тело под шёлком халата.

— У меня есть идея... — прошептал Хань Цзин, припадая губами к его заалевшему уху. Обжигающее дыхание заставило Мориса сладко вздрогнуть.

— Доверишься мне? — Хань Цзин отстранился, заглядывая ему в глаза с бесконечной нежностью.

Морис поднял на него влажный, затуманенный желанием взор. В этих синих глазах смешались упрёк и непреодолимое влечение — они оба изнывали от жажды обладания.

В полумраке глубокой ночи сектора Роедлас погас последний источник мягкого света. Лишь едва слышные, сдавленные вздохи и тихая дрожь нарушали звенящую тишину спальни.

На широкой мягкой постели сплелись два тела. Морис выгнулся, судорожно прижимаясь к Хань Цзину. Его била мелкая дрожь, а разгорячённая кожа стала настолько чувствительной, что даже нежное прикосновение шёлкового одеяла казалось невыносимой, сладкой пыткой.

Волны наслаждения, точно раскалённая лава, бурлили в венах, устремляясь вниз, к изнывающей от возбуждения плоти. Морис метался в лихорадочном жару, не находя себе места. Желание внутри него копилось, точно в жерле проснувшегося вулкана, грозя выжечь весь разум до основания, но спасительная разрядка всё не наступала.

Хань Цзину и самому приходилось несладко. С трудом сдерживая рвущийся наружу напор, он хрипло, прерывисто дышал. Видя, как мучается в его руках любимый, он глубоко вздохнул и невольно прижался напряжённой, горячей плотью к его ягодицам.

Истомившееся по ласкам тело Мориса послушно отозвалось на это движение. Он вздрогнул всем существом и неосознанно подался назад, инстинктивно ища более глубокого, желанного соприкосновения.

Хань Цзин едва не потерял рассудок. Дикое, первобытное желание требовало отбросить все запреты и ворваться в податливое, манящее лоно. Но он стиснул зубы и заставил себя остановиться. Он чувствовал себя путником, умирающим от жажды посреди бескрайней пустыни, перед которым внезапно забил чистейший родник, но к которому нельзя было даже прикоснуться губами.

— Расслабься...

— Расслабься, Морис, всё хорошо... — хрипло заклинал его Хань Цзин, покрывая жаркими поцелуями покрытую испариной спину и одновременно ускоряя движения пальцев.

— Ах!.. — Морис судорожно сжал в кулаках простыни и уткнулся лицом в мягкое одеяло.

Стекающие капли пота жгли Хань Цзину лицо. Он осторожно скользнул ладонью вниз, проникая пальцами в уже влажное, податливое нутро. Стоило среднему пальцу войти внутрь, как горячие, невероятно тесные стенки судорожно сжались вокруг него. Хань Цзин судорожно выдохнул, ещё плотнее прижимаясь к этому извивающемуся телу. Сейчас в Морисе не осталось и следа от его всегдашнего генеральского величия и холодности — это был просто любящий, изнемогающий от страсти мужчина.

Ощувив ласку внутри себя, Морис испуганно зажмурился. Он полностью доверился Хань Цзину, отдаваясь во власть этой непривычной, неизведанной прежде чувственности.

Пальцы юноши двигались мягко и неторопливо, бережно исследуя каждый изгиб его лона. Когда палец вошёл на всю длину, коснувшись особенно чувствительной, бархатистой точки, Хань Цзин слегка надавил на неё. Мориса тут же пробила сильная судорога, его стройные бёдра судорожно сомкнулись. Другой рукой Хань Цзин почувствовал, что Морис находится на самом пике, готовый сорваться в бездну наслаждения.

— Нет!.. — Морис распахнул туманные, потемневшие от желания глаза. Нахлынувшая лавина ощущений была настолько мощной, что испугала его.

— Ах!.. А-ах!.. — Но сдерживать крик больше не получалось. Он прерывисто, со стоном задышал, полностью растворяясь в объятиях любимого. Его тело дрожало в изнеможении, разум окончательно покинул его, превратившись в лёгкое пёрышко, подхваченное тёплым весенним ветром и уносимое ввысь, в беспамятство.

Постепенно сознание вернулось к нему. Морис медленно очнулся от истомы, окутавшей его после близости. В спальне царили тишина и густой мрак. Он лежал в надёжных, тёплых объятиях, а над самым его ухом раздавалось ровное, сонное дыхание Хань Цзина.

Хань Цзин, который до этого бодрствовал всю ночь, на сей раз не стал задерживаться в постели ради долгих нежностей. Изнурённый до предела, он бережно обмыл Мориса, после чего крепко прижал к себе его всё ещё тёплое тело и мгновенно провалился в глубокий сон.

Морис лежал неподвижно, чувствуя кожей каждое прикосновение их обнажённых тел, и в его душе вновь всколыхнулось смутное беспокойство. В самой глубине его существа всё ещё тлел упрямый, неутолённый жар. Обуздание плоти, полученное только что, принесло лишь временное облегчение — оно не шло ни в какое сравнение с прежней безумной страстью и тем абсолютным слиянием, которого его тело жаждало на самом деле.

«Почему всё так?..»

Морис нахмурился. Радовало лишь то, что недавнее напряжение утихло хотя бы на девять десятых. Подавив глухое недовольство, он уткнулся носом в грудь Хань Цзина и тоже погрузился в сон.

Перелёт из Флориды в Эвиду, штат Ванер, занял около трёх часов. Преодолев расстояние в несколько тысяч километров, они покинули здание терминала уже в самый полдень.

Хань Цзин, катя за собой чемоданы, вышел через специальный коридор для пассажиров первого класса. Тонкие золотистые очки в изящной оправе, клетчатая рубашка в английском стиле и наброшенный поверх неё светло-серый кашемировый пуловер выгодно подчёркивали его открытое, юношеское лицо. От всей его фигуры всё ещё веяло беззаботной университетской простотой.

Шедший рядом Морис, несмотря на непринуждённый повседневный костюм, мгновенно

приковывал к себе взгляды. Струящиеся по плечам золотые волосы, безупречная осанка и холодная, словно высеченная из льда красота лица заставляли его буквально сиять на фоне однообразной толпы в терминале.

На его фоне Хань Цзин казался совсем незаметным. Портье из присланного отелем «Гей» представительского лимузина с первого взгляда принял юношу за обычного адъютанта, ведавшего багажом генерала. Позже, в роскошном холле отеля, администратор на стойке регистрации тоже без тени сомнения собралась оформить для Хань Цзина скромный стандартный номер на другом этаже.

Хань Цзин помрачнел, чувствуя себя уязвлённым.

Заметив это, Морис мягко улыбнулся. Он по-свойски положил руку на плечо Хань Цзина и обратился к растерявшейся девушке за стойкой:

— В этом нет необходимости. Пожалуйста, замените мой люкс на один представительский номер с двухспальной кроватью.

Его спокойный, холодный голос не оставлял сомнений в характере их отношений.

— Простите! Я сейчас же всё исправлю! — спохватилась администратор и принялась торопливо кланяться, отчаянно краснея от собственной оплошности.

Хань Цзин, никогда не бывавший в заведениях подобного уровня, замялся и уже хотел вежливо её успокоить, но ладонь Мориса на его плече чуть заметно сжалась, призывая к молчанию.

— Пусть багаж доставят прямо к нам, — холодно распорядился генерал.

— Оценивать гостей по внешности и принимать за них решения — грубейшее нарушение стандартов для заведений такого класса. Если подобное повторится, ты имеешь полное право сделать ей выговор, — наставлял Морис спутника, увлекая его за собой через оформленный в классическом европейском стиле вестибюль к дверям роскошного ресторана, где под хрустальными люстрами глушились шаги на толстых коврах.

Это была закрытая VIP-зона, где респектабельная публика вела неспешные, тихие беседы за изысканно накрытыми столиками.

Они заняли столик у огромного панорамного окна. В саду за стеклом покачивались под весенним ветром только что распустившиеся нежно-розовые бутоны плетистых роз. Но даже эта мирная картина не принесла Хань Цзину покоя. Пропась, разделявшая их в реальном мире, вновь заставила его почувствовать себя лишним на этом празднике жизни.

Они больше не выживали среди смертоносных загадок чужой планеты. Они вернулись на

Землю, где правили иные, не менее жестокие законы социального статуса.

«Если я хочу сделать его счастливым и сдержать обещание, данное Марко, мне придётся прыгнуть выше головы. Пахать до изнеможения, стиснув зубы...»

Хань Цзин прекрасно понимал, какое давление ждёт его впереди, и невольно нахмурился.

Заметив, как помрачнел Хань Цзин, Морис отложил меню.

— Что-то не так? Тебе не по вкусу европейская кухня? — заботливо поинтересовался он. — Если хочешь, мы можем пойти в какой-нибудь азиатский ресторан неподалёку.

— Нет, всё в порядке. Чего бы тебе хотелось? — Хань Цзин поспешил перевести тему и, натянув улыбку, раскрыл меню.

Листая плотные глянцевые страницы, он понял, что ресторан специализируется на изысканной французской кухне.

«Французские изыски... Либо морепродукты, либо фуа-гра, стейки слабой прожарки, баранья ножка...»

Хань Цзин мысленно покачал головой. Мориса сейчас воротило от птицы, значит, жирный гусиный паштет тоже вызовет у него тошноту. Рыбу он не переносил на дух. Оставались только полусырое мясо и баранина. Мысль о стейках с кровью навевала на Хань Цзина тоску — ему казалось, что лёгкая домашняя азиатская еда подошла бы беременному генералу куда лучше.

Однако выбор Мориса застал его врасплох.

— Местный стейк под сырной корочкой, цыплёнок по-французски и улитки в белом вине просто великолепны, — увлечённо перечислял Морис. — И, разумеется, не стоит обходить вниманием классическое фуа-гра с морскими гребешками. Ну и моя личная слабость — икра себрюги Сэси, я заказываю её при каждом визите.

Он выдал этот список на одном дыхании, оставив Хань Цзина в полном недоумении: все эти блюда входили в его личный перечень строжайших запретов для Мориса.

— Ты... уверен, что хочешь именно это? — лицо Хань Цзина вытянулось. Он медленно повторил каждое название, с сомнением поглядывая на Мориса.

Он искренне предвкушал обед, и это выдавал его сияющий взгляд. Морис изящно подпёр подбородок ладонью и с улыбкой кивнул:

— Но икра севрюги Сэси — это же рыба! — Хань Цзин подался вперёд, понизив голос до шёпота. — Тебя ведь раньше от одного запаха морепродуктов наизнанку выворачивало.

— Раньше — возможно, но сейчас безумно хочется именно её, — весело возразил Морис. — Рыбная икра — изысканное лакомство. Особенно икра Алмас. Её, к слову, положено есть исключительно золотой ложечкой, так как серебро окисляется при контакте с деликатесом и портит вкус.

— А обычная стальная ложка или бамбуковые палочки не подойдут?

— Отчего же, можно. Но икра Алмас — это золото среди закусок. Я имею в виду прежде всего цену, — Морис, казалось, пребывал в отличном расположении духа. — Считается, что только хрустальная пиала и ложечка из чистого золота позволяют в полной мере прочувствовать вкус истинной роскоши.

«Вкус роскоши?..»

Хань Цзин лишь покачал головой. Он знал, что этот деликатес стоит баснословных денег — даже за один грамм обычной икры приходилось выкладывать десятки долларов.

— Когда пробуешь икру, ни в коем случае нельзя сразу разжёвывать её, — со знанием дела объяснял Морис. — Нужно дать икринкам мягко покатиться по языку, почувствовать, как они лопаются одна за другой. В этом кроется совершенно неповторимая прелесть... А бамбуковые палочки слишком грубы, они просто повредят нежную оболочку.

— Эх, к такому натюрморту не хватает только бокала ледяной водки...

Он потянулся к хрустальному бокалу, но Хань Цзин тут же перехватил его руку:

— Тебе сейчас нельзя крепкий алкоголь! И не спорь.

— К тому же почему ты снова снял китель? На улице всего плюс десять.

— Здесь же работает отопление, мне совсем не холодно...

Морис обхватил запотевший бокал ладонями, жадно впитывая пальцами спасительную прохладу стекла. Внутренний жар продолжал изводить его, становясь всё невыносимее. Заметив, что Хань Цзин собирается прочитать ему очередную лекцию, он примирительно улыбнулся:

— Хорошо, уговорил. Я не сделаю ни глотка. Просто позволь подержать бокал в руках и вдохнуть аромат.

— Ваша икра севрюги Сэси, прошу, — официант со всеми подобающими церемониями поставил на стол два крошечных фарфоровых блюда с позолотой. Порции были поистине микроскопическими — всего по несколько граммов.

Под пристальным взглядом Хань Цзина Морис зачерпнул самую малость деликатеса и неторопливо отправил в рот. Выражение абсолютного блаженства, разлившееся по его лицу, заставило юношу почувствовать себя окончательно побеждённым.

— Недурно. Хотя, конечно, до икры Алмас из ресторана «Тея» ей очень далеко, — вздохнул Морис, дегустируя вторую ложечку.

— Ресторан «Тея»? — заинтересовался Хань Цзин. Сам он кулинарные пристрастия европейцев не разделял, считая, что традиционные азиатские блюда дадут сто очков вперёд любой икре.

— Он находится на самом побережье Эвиду, отсюда довольно далеко ехать, — Морис съел ещё немного. — Не будь у меня завтра этой важной конференции, мы бы обязательно туда съездили.

— Раз тебе так хочется, я могу съездить туда сегодня после обеда и привезти её.

— Пустяки, не стоит утруждаться. Местный стейк мне тоже очень нравится, — мягко отказался Морис, не желая гонять юношу на другой конец города.

Он ловко подхватил приборы и переключился на другие блюда, которые официанты один за другим расставляли на столе.

Аппетиту генерала можно было только позавидовать, при этом его манеры оставались безупречно аристократичными. Хань Цзин же, напротив, вяло ковырялся в тарелке, погружённый в безрадостные размышления. Он мысленно ругал себя за глупость.

«Какой же я болван! Как я мог забыть, что Морис вырос в западной культуре и привык к совершенно другой еде? Я вечно сужу по себе, навязываю ему собственные вкусы... А ведь Морис никогда так не поступал. Он всегда с улыбкой выслушивал меня и уступал во всём — вот как сегодня, когда первым делом предложил пойти в азиатский ресторан, хотя сам его недолюбливает».

— Почему ты ничего не ешь? — Морис отложил нож и вилку, с беспокойством глядя на него.

— Залюбовался тобой и забыл про еду, — тепло улыбнулся Хань Цзин.

Он заметил, как в ответ на это признание взгляд генерала на мгновение потеплел.

<http://bllate.org/book/19677/2006463>